Побег от стужи

Часть 5: Мадрид рубежа XIX – XX вв.

Когда, выспавшись, мы часа в 4 выползли на улицу, почувствовали себя в парной. Продолжалось это, как и в бане, недолго – до ближайшего кафе, где нас обдало брызгами из-под зонтиков, а потом мы нырнули в магазин, где простояли часа полтора за местной телефонной картой. Тем временем температура несколько понизилась, и гулять было вполне комфортно.

Сделав круг по уже знакомым местам, досмотрели то, что не успели утром, и устремились по улице Алькала (помните, она отходит от Пуэрта-дель-Соль сразу за медведем?) по направлению к бульвару Прадо – там путеводитель обещал помимо архитектурных красот множество уютных мест, где мадридцы коротают вечера.

Не буду подробно описывать здания – этот буржуазный город рубежа XIX – XX в. всем хорошо знаком: банки крупные компании, рестораны, отели, министерства… Такие плоды гигантомании во множестве встречаются в Вене, Париже и Москве.

Как-то здесь потерялись здания Сабатини (таможня) и Чурригера (Королевская академия изящных искусств Сан Фернандо, в которой директором был Гойя, 1775); впрочем, ничего впечатляющего они собой не представляют:

Здесь же и встроены церкви Калатравас и Сан-Хосе (Рибера, 1730 – 1742), которые я показывала ранее:

Почему-то здесь, в столь неподходящем окружении находится и памятник Кальдерону:

А из нуворишей самое знаменитое здание – дворец связи (почтамт+телеграф 1917 г.), предвещающее наши сталинские высотки:

Оно стоит на огромной – по-нашему – площади, носящей имя древнегреческой богини Кибелы, потому что ее центр занимает фонтан со статуей богини, едущей в колеснице, запряженной львами (XVIII в.):

А обещанных мест, «где по вечерам отдыхают мадридцы», мы так и не нашли (эту загадку разгадали на следующий день). Пришлось присесть на улице Алькала: решили попробовать местный специалитет – знаменитый хамон. Нам принесли на троих тарелку с несколькими тонюсенькими ломтиками за 20 евро. Вместе с напитками это вышло довольно дорого и нисколько нас не насытило. А его вкус нас всех совершенно не потряс.

Домой вернулись, когда уже стемнело, и зажглись огни.

Часть 6: Прадо

Прощальный залп Габсбургов был дан во времена правления Карла II (1665–1700 гг.), последнего короля династии: дворец Санта Крус, дворец герцогов де Уседа и увеселительный замок Буэн Ретиро. На самом деле дворец Буэн Ретиро построен в начале XVII в. герцогом Оливаресом, фаворитом Филиппа IV, для весенне-летнего местопребывания королевской семьи. Он не сохранился – был разрушен в 1809 г. французами, как и окружавший его парк за восточной городской стеной. Парк после изгнания завоевателей восстановили, и сейчас он прекрасно себя чувствует, как мы убедились. А от дворца остался северный флигель (сейчас там Военный музей) и Бальный зал, недавно переданный Музею Прадо.

Но парк не даром так называется («Буэн Ретиро» означает «благое уединение») - он появился еще в эпоху католических королей при монастыре Лос Иеронимос, о котором мы писали выше, и во время правления фанатика Филиппа II превратился в место религиозных медитаций и молитв. Там было несколько королевских зданий под названием «комната», в которой останавливались монархи при посещении монастыря.

В XVII в. ориентация этих помещений поменялась с точностью «до наоборот»: их вместе с парком превратили в увеселительное заведение для проведения праздников, театральных постановок, коррид и т.д. Вот как поменялись нравы всего за какие-то полвека! «Это было сооружение значительных размеров, но, благодаря более чем скромной отделке, оно скорее напоминало казармы, чем дворец». Тем не менее, на протяжении

всего XVII в. дворец любовно отделывали внутри; в частности, Королевский зал приемов украшали парадные портреты королевской семьи и военные сцены работы Веласкеса и Рубенса, находящиеся сейчас в музее.

Идея создания музея искусств, доступного для всеобщего обозрения, принадлежит эпохе Просвещения – Лувр открылся в этом качестве во время французской революции в 1793 г., а в Мадриде такой указ впервые был издан Пепе Ботелло. В 1811 г. картины временно поместили в здании, построенном при Карле III Хуаном Вильянуэвой, приверженцем модного во Франции неоклассицизма, для кабинета естествознания и Академии наук по соседству с дворцом Буэн Ретиро. Так они там и остались. Музей, однако, был открыт только в 1819 г., после реставрации Бурбонов. Король Фердинанд VII не только не отменил распоряжение Пепе, но вложил в эту идею свои личные средства и на протяжении всей жизни фактически его содержал, поскольку подобное учреждение культуры, как мы знаем, нигде и никогда не окупается. И продолжал пополнять коллекции. Должность директора, согласно статусу музея, занимал представитель высшей аристократии; первым директором, например, был маркиз де Санте-Крус, министр королевского двора. Но это только поднимало его престиж, на самом деле музеем руководили не высокопоставленные невежды, а специалисты: должности советника по искусству и главного хранителя занимали исключительно художники. После смерти Фердинанда встал вопрос о дележе наследства, к которому относился и музей, бывший личной собственностью короля. Изабелла II, надо опять-таки отдать ей должное, не позволила растащить коллекции, выкупив у сестры ее долю, как только вошла в королевские права (в 13 лет!). Впоследствии, в 1865 г., по совету умных людей она передала музей из частного владения во владения Короны (это еще не то же самое, что государственная собственность, но уже то, что не подлежало дележу между наследниками), а через 3 года, во времена Республики, он был окончательно национализирован – тогда-то и начались проблемы с финансированием.

Музей, начав с экспозиции 311 картин, превратился со временем в одно из величайших собраний, сопоставимое с Лувром или Эрмитажем. И все же между ними есть огромная разница: если Лувр – собрание энциклопедическое, основанное не только и не столько на коллекции монархов, сколько на самых разных коллекциях, конфискованных у аристократии во время революции, и значительно дополненное произведениями, захваченными во время наполеоновских войн в Европе, Азии и Африке, то Прадо – почти исключительно королевское собрание, отражающее вкусы испанских монархов. Начало ему положила в 1500 г. еще чета католических королей, и затем каждый монарх любовно отбирал произведения согласно своим пристрастиям. Надо отдать им должное – у каждого был отменный вкус. В результате наше представление об Испании как о стране религиозных фанатиков сильно пошатнулось. Впрочем, периодов, когда правили короли-фанатики, было всего два: когда у власти находились католическая чета и Филипп II. Но первые начали собирать картины с прекрасных фламандских светских произведений, а второй, помимо фламандской живописи, собирал произведения итальянского Ренессанса. Между прочим, ему Прадо обязано наилучшей коллекцией Босха, включающей знаменитый триптих «Сад наслаждений» - согласитесь, как-то не очень это соответствует его известному образу. (*Ха! Оказалось, что пресловутый «Сад» - триптих! А я и не знал…*) Бурбоны также проявили собственные вкусы, ориентированные на французскую живопись и итальянский классицизм. Но в центре всего – разумеется, собственная испанская живопись, расцветшая при Филиппе IV, который был, пожалуй, наиболее профессиональным собирателем, и прежде всего – Веласкес. В итоге Прадо, не претендуя на всеобъемлющей охват искусства всех времен и народов, позволяет оценить самые сливки европейской живописи и скульптуры.

Существенное вливание в королевскую коллекцию были сделано лишь однажды в XIX в. После массовой секуляризации монастырей накопилось

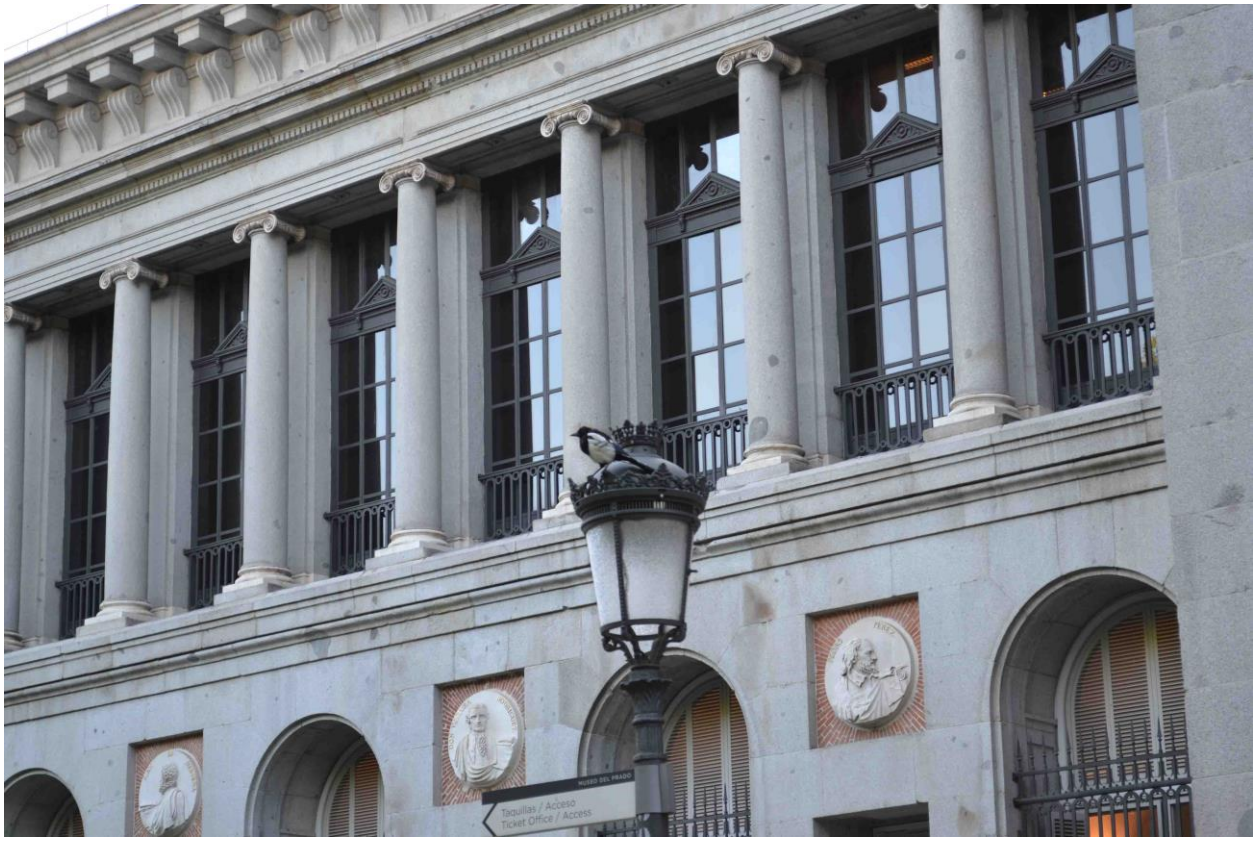
много церковных ценностей и произведений искусства. Решено было в дополнение к королевскому Музею организовать музей государственный, где эти произведения наряду с современными будут экспонироваться – так появился музей Тринидад (по имени монастыря на ул. Аточа, где он был открыт). А когда Прадо было национализирован, то получил все собранное, т.к. содержать за государственный счет два музея было не под силу.

Со временем покупка картин продолжалась, Прадо перерос свое огромное помещение, и в 1894 г. был открыт все же еще один музей – современного искусства, носящий ныне имя «Центр королевы Софии». Но не все «современное искусство» (современное в тогдашнем понимании – это XIX в.) туда было передано, в частности, то, что осталось, занимает ныне огромный дворец – Бальный зал Буэн Ретиро.

Испанцы с трепетом относятся не только к корриде. Во время гражданской войны, несмотря на все ее ужасы, было сделано все возможное и невозможное, чтобы сохранить музей. Здание заложили мешками с песком, чтобы не пострадало от военных действий, а коллекции вывезли сначала в Валенсию, где было поспокойнее, затем в Каталонию, затем, в феврале 1939 г., – аж в Швейцарию! Но война вскоре закончилась – Франко победил. И что, как вы думаете, он сделал в первую очередь? Потребовал коллекции обратно! А ведь это – огромные деньги! (*Потому-то, надо думать, и потребовал. Не надо так уж идеализировать генерала…*) Но уже в сентябре того же года Прадо открылся снова. А в Европе уже полыхала война. Но Франко, видимо, был твердо уверен, что Испании она не коснется, иначе не торопился бы с возвратом.

И вот мы пошли смотреть музей Прадо – с утра на второй день пребывания в Мадриде. Напуганные перспективой очереди, вышли рано, быстренько пробежали по тихим пустынным улицам и оказались у музея за час до открытия в полном одиночестве.

Вот он, «римский» классицизм Вильянуэвы: дорический орден портика, ионические колонны между высокими окнами бельэтажа:



С торца угловые массивные части по-испански выдвинуты вперед, между ними – утопленная лоджия с ионическими колоннами, красивые лестницы по бокам (нас, правда, пускают не по ним, а сзади, с черного хода):

В общем, великолепный образец стиля. А то, что лично меня он оставляет равнодушной, это, как говорится, мои трудности…

Обратите внимание на сороку на фонаре. Почему-то вокруг музея особенно много сорок, и они охотно позируют:

Перед главным фасадом, разумеется, Веласкес – главная фигура мировой живописи XVII в., неразрывно связанная с Габсбургами:

VELAZQUEZ

А сзади с пригорка спускается к музею юноша-художник – то ли современный, то ли XIX в., - неважно:

Времени до открытия у нас было много, и мы устремились к неописуемо красивой королевской часовне на пригорке за музеем, о которой я уже рассказывала, как и то, что она действительно привела нас в восторг. А потом пошли гулять в парк Ретиро. А по дороге увидали еще много дворцов, работающих разными музеями, и в том числе – Бальный зал Казон Буэн Ретиро, единственную постройку, сохранившуюся из комплекса зданий старинного дворца. Судя по ее виду, к ней Вильянуэва тоже приложил руку:

Дворец, как и подобает загородному дворцу, обращен фасадом к парку и красиво замыкает перспективу аллеи:

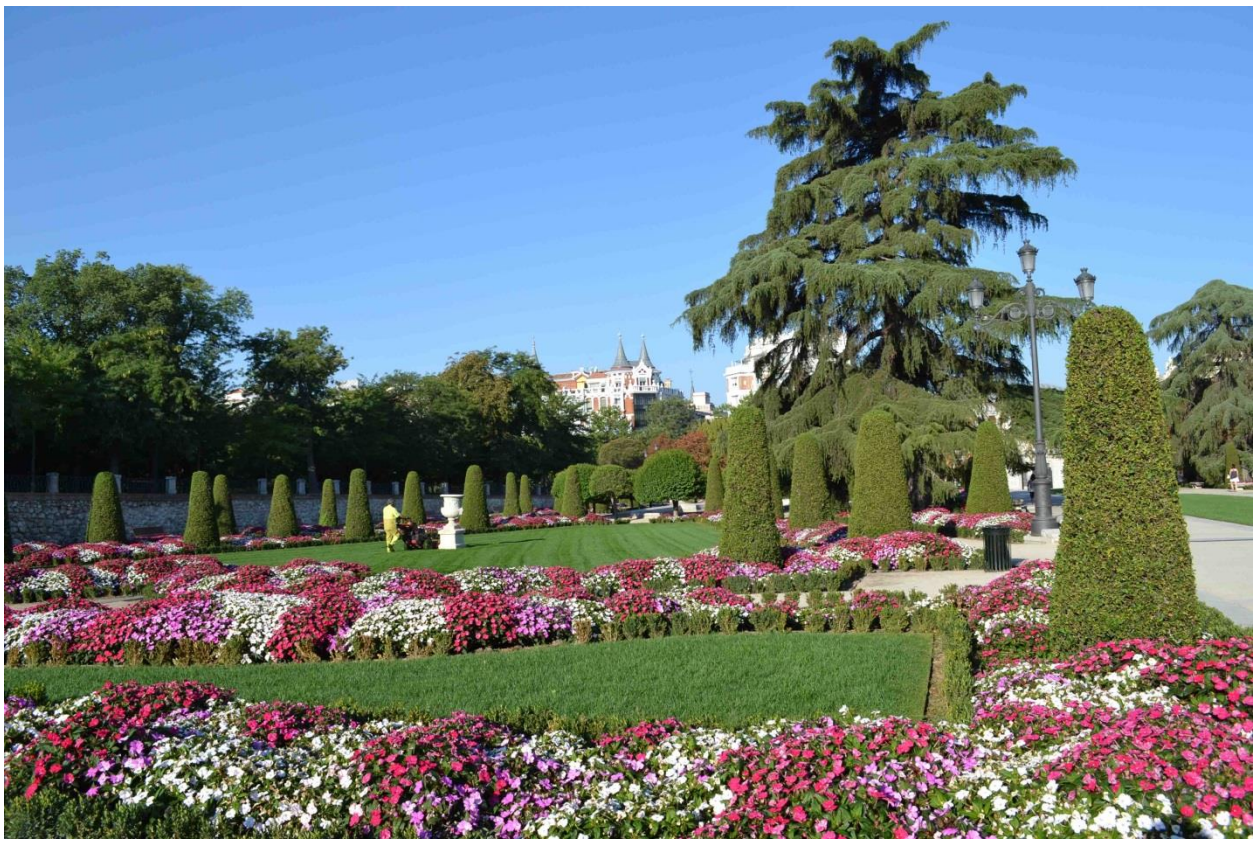
Карл III открыл парк для публики при условии «соблюдения минимальных норм гигиены и достойного платья». Парк, как и дворцы, выдержан во французском классицистическом стиле (думаю, и тут без Вильянуэвы не обошлось, ведь ему принадлежит перепланировка королевских садов в Аранхуэсе). Ровные, по линейке, аллеи, геометрически подстриженные деревья, фонтаны, скульптура (в том числе и современная), архитектурные подставки под перепад высот:

В этом же духе – грандиозный памятник Альфонсу XII (1857 – 1885 гг., автор - Хосе Грасес Риера) на берегу озера:

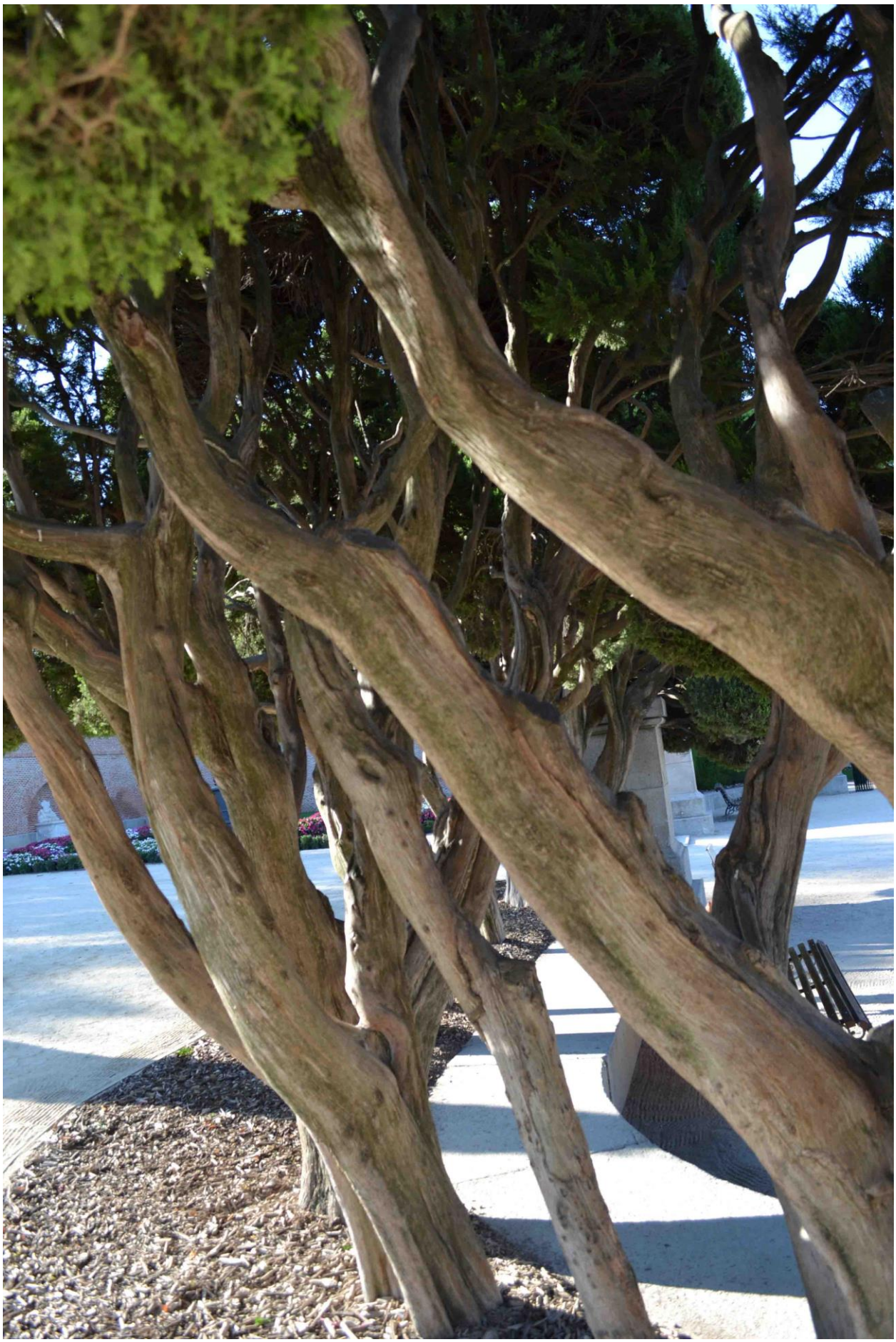
Этот король, сын Изабеллы II, получивший прозвище «миротворец», показал себя очень достойно и на поле брани, и во время холеры – не боясь заразиться (возможно, потому что уже был болен туберкулезом), был все время с народом и заслужил всеобщую любовь. (*Вот только с именем промахнулись – это ж надо! – двенадцатый альфонс. Да и памятник мегаломанский.*)

В парке есть еще два мини-дворца конца XIX в. – павильоны, построенные для всемирной выставки – дворец Веласкес и Хрустальный дворец-оранжерея, подобная тем, которые мы видели в Хофбурге и Шенбрунне, но у нас уже времени на них не хватало.

А парк действительно очень хорош! На открытых местах уже здорово припекало, но там было много тенистых уголков. Особенно красиво выглядело сочетание растущих не по линейке мощных хвойных деревьев с яркими цветниками:



Тут много и знаменитых земляничных деревьев, изображенных на гербе Мадрида:



Вот эти-то невиданные мною прежде деревья, да еще подстриженные так стильно, придали парку острую индивидуальность и врезались в память.

И, как и в Париже, вместо (или вместе) обычных сизарей – вяхири:

А нас уже ждал Музей. Ну, не совсем ждал – пока мы гуляли, накопилась небольшая очередь, так что это нам пришлось подождать. Мужики медленно двигались за загородкой, я охотилась за сорокой, а Юрка гневно покрикивал – боялся, что я исчезну в тот момент, когда надо будет входить внутрь. (*Это у меня контузия с детства – с тех моментов, когда мама ставила в очередь, а сама убегала в другую… Возненавидел это беспомощное состояние, и ничего с собой не могу поделать*.) Но все обошлось. Преодолев сувенирные искушения, мы кроме билетов купили каталог и вошли.

Главная наша тема – разумеется, испанская живопись и прежде всего – Веласкес (1599 – 1660). Он родился в Севилье и учился у своего будущего тестя - ученого и художника Франсиско Пачеко вместе с Алонсо Кано, с которым дружил, и Сурбараном. Ничего себе компания! Оба – первоклассные живописцы, а Кано к тому же еще и скульптор и архитектор – в разные периоды жизни он занимался всем по очереди и с одинаковым успехом. Их картины тоже представлены в Прадо. Сурбаран особого впечатления на нас не произвел (*а мне – так просто посредственностью показался*), а Кано, известный гораздо менее других – и незаслуженно! –

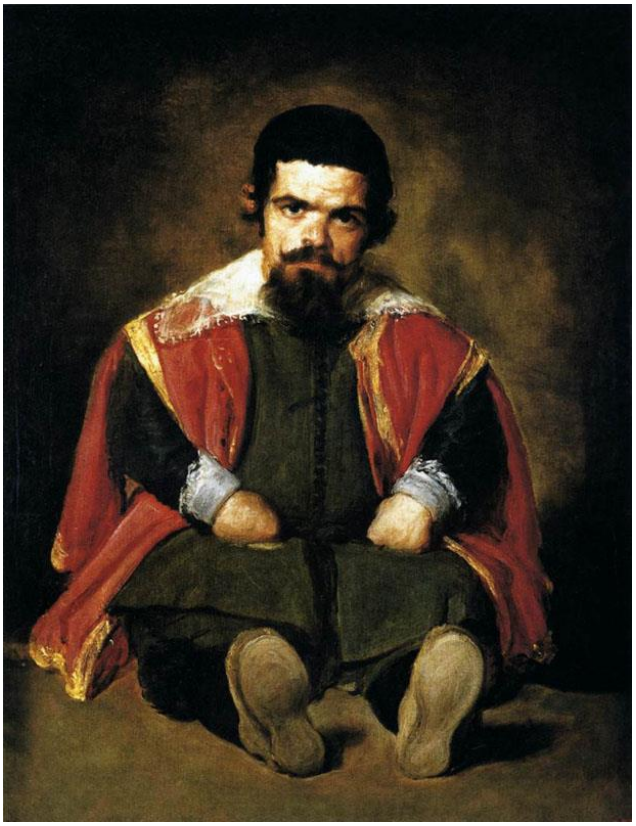
обладает очень мягкой, не такой контрастной, как Веласкес, манерой письма, и его богородица с младенцем очень мила и лирична:

В начале правления Филиппа IV в 1622 г. Веласкес посетил Мадрид, а уже в следующем году был приглашен всесильным герцогом Оливаресом для постоянной работы при дворе. Он приглашение принял и не оставлял свои придворные обязанности (а в них входила не только живопись) до самой смерти, если не считать двух двухлетних перерывов для путешествий по Италии. Кстати, своих однокашников он не забыл – с его подачи они оба получили заказы при дворе (когда оформлялся дворец Буэн Ретиро), а Кано в 1638 г. тоже стал придворным живописцем. *И у них – vse po blatu*.

Веласкес – художник особенный. К нему неприменимы обычные критерии мастерства. Да, он в совершенстве владел техникой и мог бесподобно изобразить любую поверхность, будь то парча, кружево, собачья шерсть или кожа лица. Многие другие тоже могли бы этим гордиться, и не это главное. Его главной заслугой считают мастерское умение бесподобно изобразить пространство, наполненное воздухом и светом. Особенно хорошо это продемонстрировано в двух главных работах его жизни, висящих в центральном зале Музея: «Менины» и «Пряхи». Это все так, но суть не в

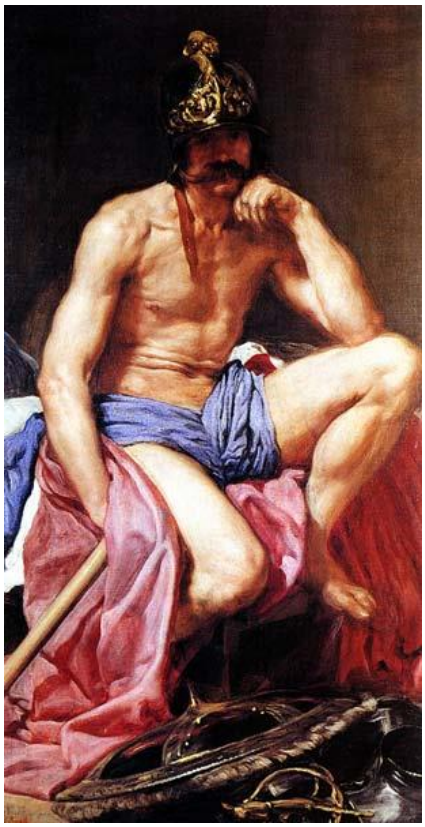
этом. А в том, что каждая его картина показывает не только внешнюю сторону, но и суть явления. Каждая имеет помимо внешнего еще множество глубинных смыслов, не всегда выразимых словами. А если это портрет, то – суть характера. И все это – при минимуме деталей. Часто фигуры изображены вообще без фона, как бы в безвоздушном пространстве, чтобы ничто не отвлекало от лица и фигуры, но при этом наделены объемом и «плотью», как в этом портрете артиста-чтеца:

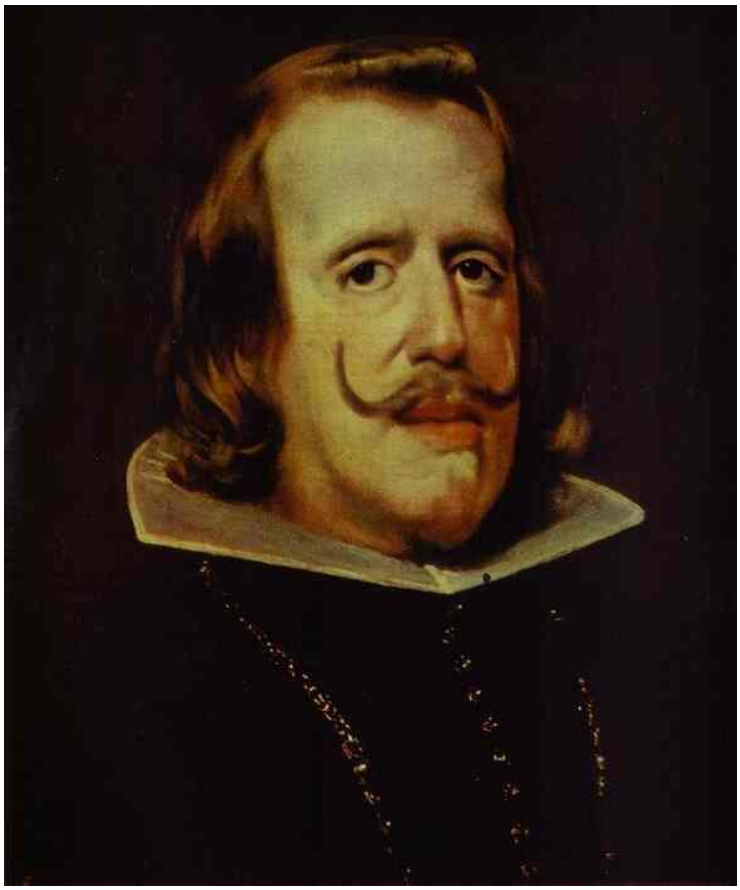
В этом смысле очень показательны его портреты придворных карликов. Посмотрите, разве это лицо шута?



А вот портрет Эзопа и еще один, малоизвестный:

Что еще мне импонирует, так это то, что, будучи придворным по должности, он не превратился в придворного по сути. Об этом говорит, во-первых, круг тем: помимо обязательных королевских портретов – множество сцен из народной жизни. Даже в одной из двух главных его картин «Пряхах» - на первом плане любовно выписанные лица простых женщин, а главное действие с участием придворных дам – в глубине, еле заметное. Во-вторых, даже мифологические персонажи «Триумф Вакха», «Кузница Гермеса» - яркие и живые образы простонародья. А вот Марс. По-моему, совершенно неожиданная трактовка образа: солдат с похмелья после вчерашней попойки.





И наконец, он никогда не льстил свои моделям. Писал, что видел, и как понимал суть. Вот, например, Филипп IV в молодости и в зрелые годы. Кроме обязательных парадных портретов, предназначенных для оформления парадных залов, написано еще множество неофициальных, без всяких властных атрибутов, как портрет частного лица.

А вот портрет его

второй супруги, королевы Марианны Австрийской, она же – племянница, предназначенная в жены его сыну, умершему в 16 лет:

Мне кажется, не от хорошей жизни он на ней женился, наверняка папаша, император Фердинанд III, потребовал: если сын умер, то женись сам, иначе – куда я ее дену?

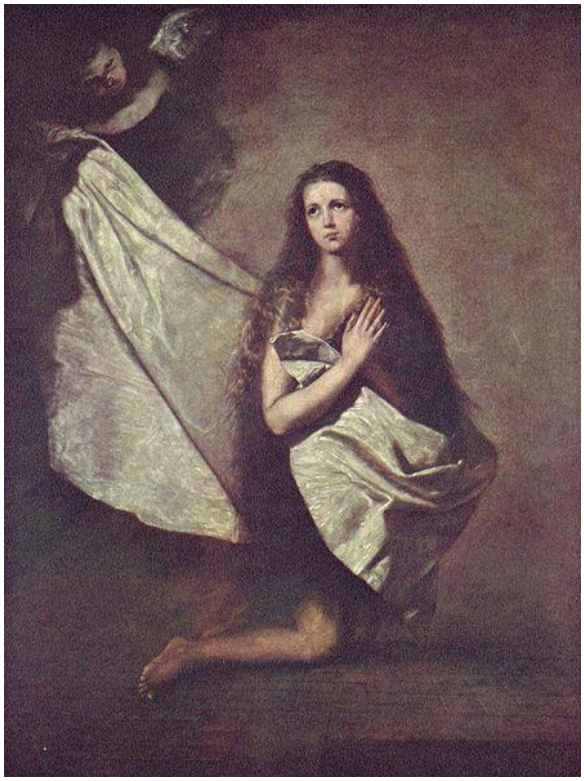
В общем, Веласкес был Личностью. Глубокой, необычайно одаренной и обладающей чувством собственного достоинства, т.к. не шел проторенным путем придворного живописца, а проложившим собственный путь. И при этом – почти всю жизнь провел при дворе… и выполнял придворные обязанности.. Как он это выдержал? Тут у меня возникает вопрос, не связанный с Веласкесом: так ли уж плох был монарх Филипп IV, как о нем пишет Википедия (по-моему, там приведен текст из советского учебника истории)? Если прочитать побольше, оказывается, что нет, вовсе не так плох. Он, оказывается, тоже был Личностью. Причем страдающей: его политика обернулась крахом, и он винил в этом прежде всего себя, т.к. будучи, как и его предки, глубоко религиозным человеком, считал, что бог карает его за грехи. А грехи состояли в как раз в том, что он не был фанатиком: любил театр, живопись, в которой, как я уже говорила, прекрасно разбирался, праздники, женщин…Своего внебрачного (от актрисы) сына, кстати, официально признал. В общем, был совсем не прямолинеен и неоднозначен. Что и отразилось в его позднем портрете. Но даже если ничего не читать, то ясно одно: поскольку он не повесил живописца после первого же портрета, смахивающего на карикатуру, а, наоборот, весьма ценил и все время повышал в должности, даже добился для него дворянского статуса, а также не казнил после портрета его второй супруги, значит, обладал достаточным интеллектом, чтобы оценить этот необычайно яркий талант по достоинству. И, стало быть, сам был его достоин.

Это, на самом деле, вопрос сложный. Понятно сочувствие красивой женщины (моей жены) мужчине, которому такое подсунули в жены, вот она и принялась оправдывать Филиппа… Но есть же и более

реалистическое объяснение необъяснимой терпимости монарха не льстившему ему живописцу: он мог ценить почти фотографическое сходство портретов с оригиналом, в чем мог легко убедиться, посмотревшись в зеркало. А уж как он себя оценивал – может, считал писаным красавцем и ему нравились носатые обезьяны, на которых его вторая жена похожа… Может, он людей, у которых нет знаменитой габсбургской губы, считал уродами…

А Веласкес… что ж, он писал, что видел, как умел. А умел очень здорово. Наконец-то я увидел всю серию его королевских шутов – знаете, произвело даже большее впечатление, чем королевские портреты. Танька не захотела ее всю выкладывать, жаль, но все равно – впечатление от натуральной картины не идет ни в какое сравнение с любой репродукцией, так что – обязательно поезжайте в Мадрид и сходите в Прадо!

Из других испанцев очень понравился Рибера, проживший почти всю жизнь в Неаполе (напомню, Неаполь тоже был испанским владением) и считавший себя испанским живописцем. Его Кающаяся Магдалина как две капли воды похожа на его же Св. Инессу из Дрезденской галереи, знакомую нам с детства:

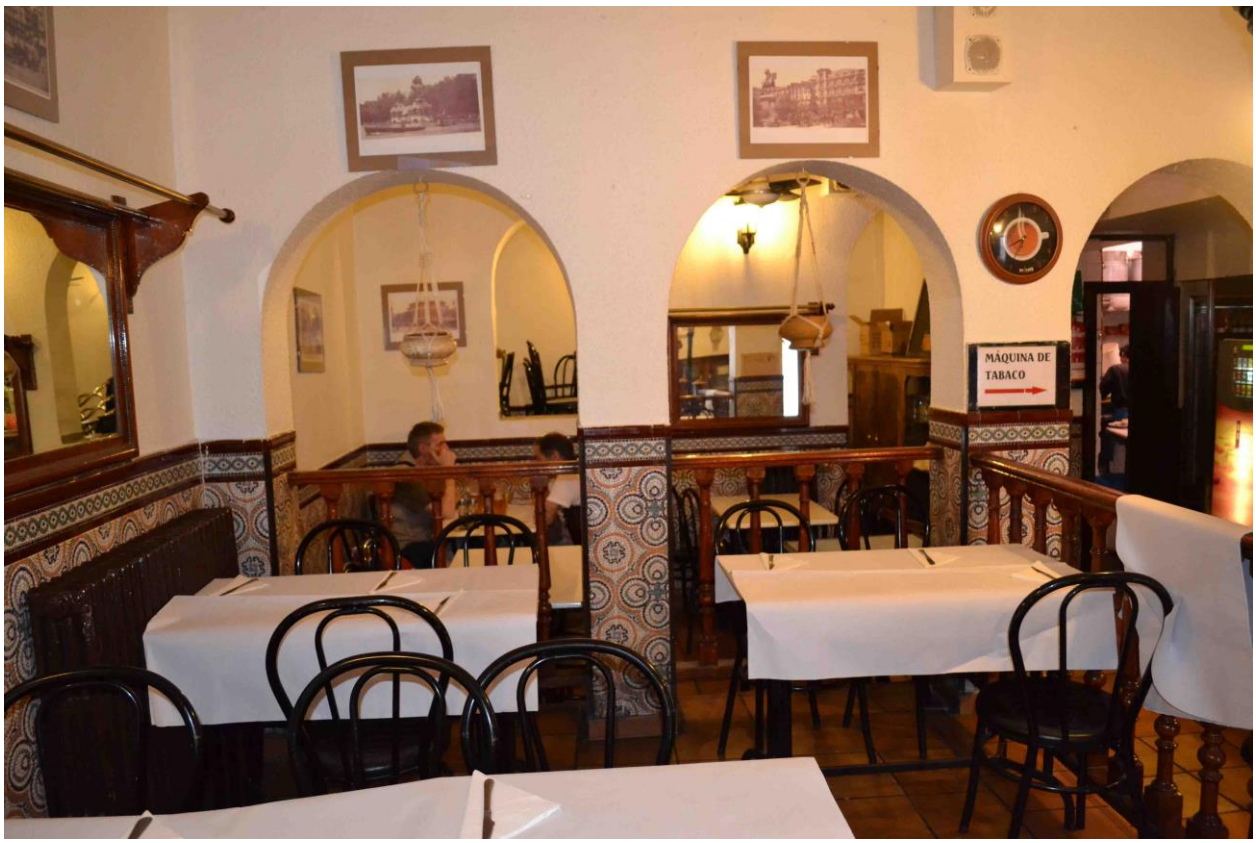


И, конечно же, шокировал Эль-Греко и очаровал Мурильо, но о них мы поговорим позже, когда доберемся до Толедо и Севильи. Еще одна испанская звезда первой величины, широко представленная в Прадо, - Гойя, но на подробный осмотр его картин нас уже не хватило. Бегло окинув их взглядом, отметили про себя, что Бурбоны в его исполнении не превосходят красотой Габсбургов, но выглядят как-то по простецки, как обычные буржуа:

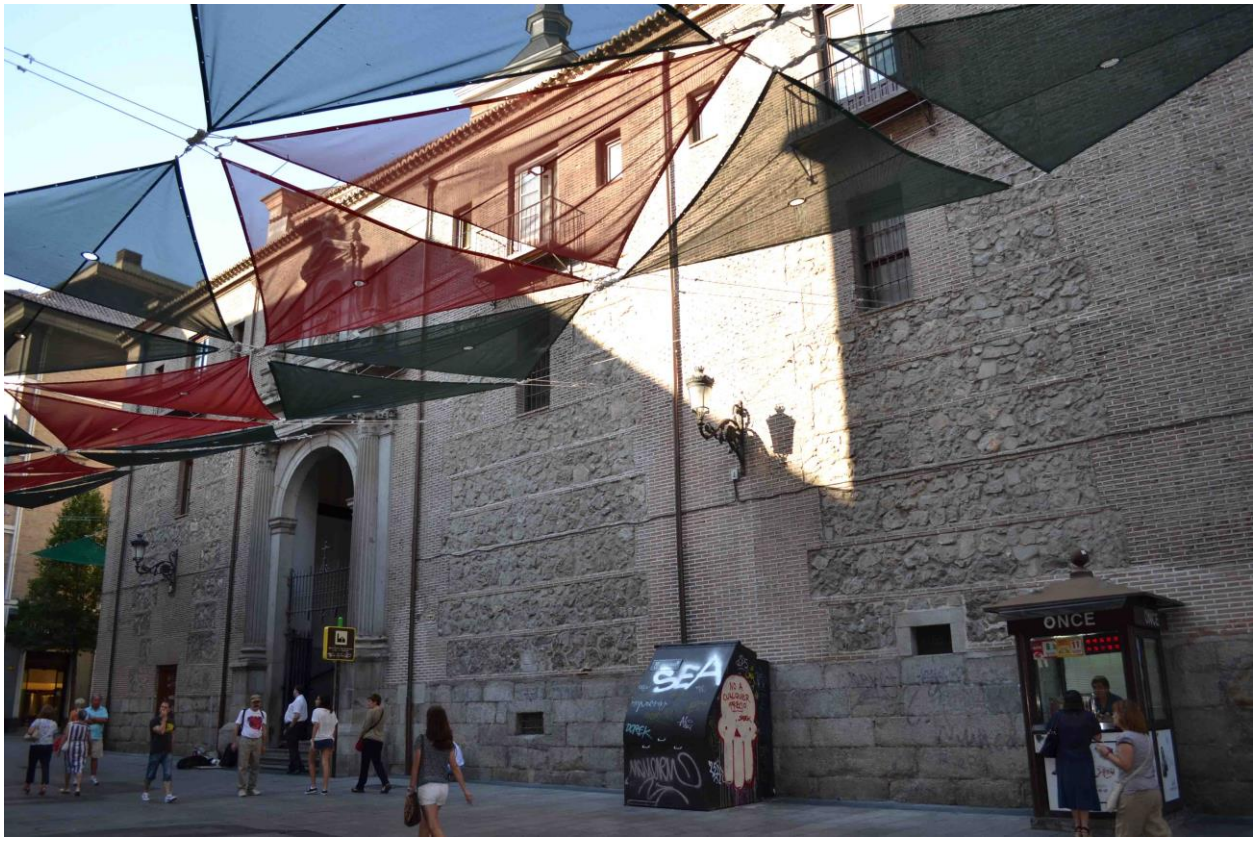
Выползли из Музея на солнышко и решили: все. Культурная программа исчерпана. Дальше – просто отдых, ведь мы в отпуске! Будем шататься без всякой цели – просто для удовольствия. Так мы не увидели Триумфальную арку на Прадо, воздвигнутую Алонсо Кано в 1641 г. для въезда королевы Марианны, ворота Пуэрто-де-Алькала, построенные в 1770 г. Сабатини, и базилику Сан-Франциско того же Сабатини (1785 г.), стоящую на том месте, где когда-то была хижина, в которой он жил, будучи в 1207 г. в Мадриде. Что-то мне подсказывало, что ничего нового и потрясающего мы не увидим:

стиль висячих пластинок, которым славился Кано, меня разочаровал, а холодный римский классицизм Сабатини никогда не очаровывал. В базилике, правда, много первоклассных картин – Сурбаран, Джордано, Рубенс, а главное, фреска Гойи. Но и картинами мы были уже сыты. А вот обычной пищи – той, что попадает в желудок, - явно не хватало. И мы пошли искать уютное местечко, где есть «меню» за 10 евро. Нашли уютный ресторанчик на маленькой улице в районе Пуэрта-дель-Соль, но его столики упирались в черный ход какого-то дома, откуда несло горячий воздух, и мы устроились внутри – там было пусто, по-домашнему уютно и работал кондиционер:

Не освоившись с местными правилами, не поняли, что помимо салата и мясного, в «комплексный обед» входит еще и десерт, а также напиток (последователи – имейте в виду! Ладно, кофе мне все равно жена не дала бы выпить, но уж кружечку пива… До сих пор жалко! А мы так и упускали свое счастье, пока то ли в Гранаде, то ли в Толедо кто-то из сердобольных рестораторов нам не объяснил, чего мы в жизни лишаемся.



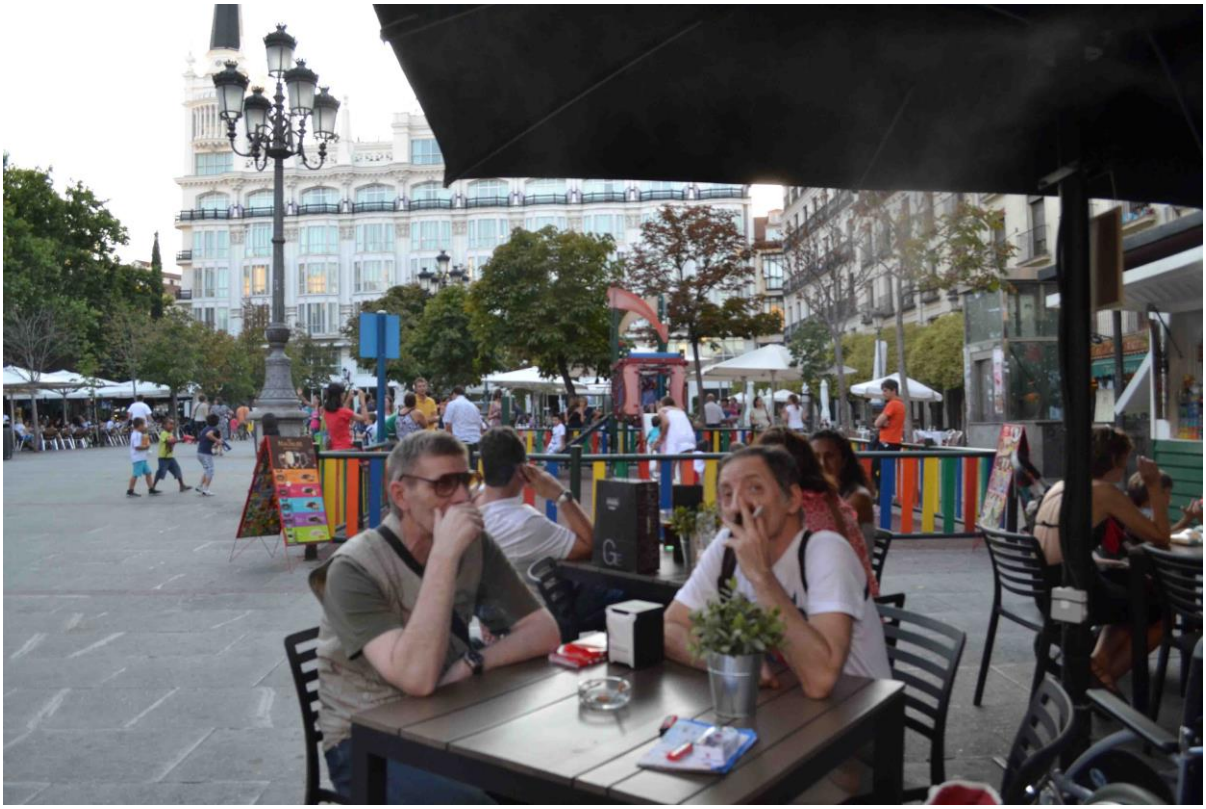
Насытившись, пошли домой спать, а потом снова выползли и слонялись по незнакомым улицам, разглядывая дома – и древние, и не очень, заходили в какие-то открытые церкви:



А потом как-то само собой вышли к площади Санта Анна, вокруг которой «раскинулся самый популярный в городе квартал досуга» - тот самый, который мы не могли найти вчера. Оказалось, что он находится

прямо за нашей гостиницей, стоит только свернуть с нее в переулок за церковью! Здесь было шумно от детей, игравших на специальных площадках, и довольно замусорено, ибо один на весь Мадрид дворник со свой задачей не мог справиться, хоть и старался:

Но все равно сидеть под зонтиком и струями водяной пыли было очень уютно:



И мы сидели, потягивая кампари, и говорили об увиденном, а Юрка признался, что как все-таки здорово, что мы решились поехать (накануне отлета у него – впервые в жизни! – подскочило давление до небес, и потом,

несмотря на прописанную терапию, скакало вверх и вниз, и мы чуть было не отменили поездку, и решились только в последний день). Здесь давление вело себя образцово, никаких скачков! Вот так: рискнули – и выиграли. *Правда, как уже было сказано, кофе мне практически не давали, и половина удовольствия от посещения Мадрида пропала.*

Просидели до сумерек и мимо церкви Сан-Себастьян вернулись домой.

В общем, Мадрид не потрясает ни древностями, ни архитектурными изысками, но наряден и по-человечески уютен, и Бурбоны ему совершенно не мешают: никаких охранных зон или запретных мест мы не увидели даже возле королевского дворца. Особенно меня восхитили его бронзовые жители. Завтра утром – берем машину и катимся в Эскориал!